

24 ноября (7 декабря)

Священномученик
Михаил Богородицкий

Священномученик Михаил родился в 1872 году в селе Студенецкие Выселки Липецкого уезда Тамбовской губернии в семье псаломщика Трофима Ивановича Богородицкого. Супруга Трофима Ивановича, Дарья Алексеевна, была неграмотна, но это не помешало ей воспитать детей в вере и благочестии; из шести ее сыновей четверо стали священниками и один – диаконом. В 1897 году Михаил Трофимович окончил Тамбовскую духовную семинарию и женился на девице Марии, дочери протоиерея Феодора Шарова, служившего в городе Козлове в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». К этому времени отец Феодор, прослуживший пастырем сорок лет, был уже немощен, и Михаил Трофимович был рукоположен во священника на его место, как тогда было принято. Впоследствии у отца Михаила и Марии Федоровны родилось тринадцать детей.

Воспитанный благочестивой матерью, отец Михаил отличался всегдашней отзывчивостью к нуждам прихожан. В любое время дня и ночи он ездил исповедовать и причащать больных, принимал в своем доме нищих и странников, ходатайствовал за бедные семьи, чтобы детей зачисляли в гимназию на казенный счет. За ревностное пастырское служение священник был возведен в сан протоиерея.

Протоиерей Михаил с супругой Марией Федоровной, матерью супруги Анной Абрамовной и детьми. 1926 год

В первый раз отец Михаил был арестован во время изъятия церковных ценностей в 1922 году, во второй – за отказ подчиниться обновленцам в 1927 году. После ареста священника к нему в дом пришли обновленцы и стали уговаривать его супругу, чтобы она пошла к мужу в тюрьму просить его перейти в «Живую церковь», и тогда, уверяли обновленцы, близко знавшие с ОГПУ, он будет освобожден. Мария Федоровна расплакалась: она, конечно, желала освобождения мужа, но знала, что он никогда не согласится с таким предложением, и, в конце концов, заявила пришедшим, что если она с этим предложением придет к мужу в тюрьму, то он прогонит ее, и она навсегда потеряет его уважение.

Отца Михаила вскоре освободили, но гонения на священника и его семью не прекратились – власти всё увеличивали и увеличивали суммы налогов, и в результате дом и все их имущество было конфисковано.

В 1930 году ОГПУ предприняло попытку закрыть в городе Козлове все храмы, а для этого арестовать священников. 3 февраля 1930 года священники были арестованы и заключены в тюрьму, и среди них – протоиерей Михаил. Их обвинили в создании контрреволюционной антисоветской организации. На следующий день после ареста отец Михаил был допрошен и, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Никогда против советской власти агитации я не вел и ни в церкви, ни среди граждан ничего антисоветского не говорил».

Вызванные после его допроса свидетели показали, что священник жаловался на трудности и сетовал вслух: «Сколько же это может продолжаться, куда ни придешь, тебе нет ничего, ни корки хлеба не добьешься». Говорил, что ничего не остается, как только терпеть, рука Господа прекратит издевательства над нами захватчиков. Увидев проходивших по кладбищу обновленцев, отец Михаил будто бы сказал: «Вы продались власти. Власть творит безобразия и вы тоже. Власть мучает нас, православных, то же делаете и вы. Ну ладно, будем терпеть, а там, может, чего-либо и дождемся».

Настроения, когда власти воспринимались как оккупационные, тогда действительно были. Но когда таких настроений не было, власти навязывали их, утверждая именно такое о себе представление, как бы и сами воспринимая себя оккупантами.

19 марта 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Михаила к пяти годам заключения, и он был выслан в один из концлагерей в Новосибирской области.

Освободившись из заключения в 1935 году, отец Михаил поначалу приехал домой в Козлов, переименованный к тому времени властями в Мичуринск, но служить здесь не смог, так как храм был захвачен обновленцами. И он уехал в село Беломестная Двойня Тамбовского района. Здесь он жил один: взрослые дети разъехались, а младшие остались с супругой в Мичуринске.

25 декабря 1936 года отец Михаил писал дочери: «Ты пишешь, что у тебя нервы не в порядке. Я тебе предлагаю очень верное средство, которое я на себе испытал – это отдайся всецело на волю Божию. Помни, что Бог всё, что ни делает, всё к лучшему. Как лучший доктор дает больному и сладкое лекарство, а больше всё горькое, так и Господь дает нам в жизни и горькое, и сладкое лекарство – для спасения нашей души. Подкрепляй свою веру молитвой дома и в храме, чтением слова Божия, в особенности святого Евангелия, и будешь всегда спокойна и счастлива. Это я говорю, на себе испытал».

В начале октября 1937 года председатель сельсовета предупредил отца Михаила: «Богородицкий, уезжайте, вас должны арестовать». – «А на кого же я храм оставлю и прихожан?» – только и ответил священник.

Вполне приготовившись к аресту и к тому, что снова придется нести крест исповедничества, отец Михаил поехал к семье в Мичуринск подремонтировать кое-что в их хозяйстве и собрать и починить себе одежду для заключения: телогрейку и брезентовый плащ. Мария Федоровна проводила его на вокзал, и они попрощались навсегда.

Что можно завещать и что сказать, когда душа предчувствует расставание не то что на время с близкими, а и с самой жизнью? Что завещать главное? – Любовь к Богу и ко святому храму, молитву о упокоении души завещателя, в особенности церковную, деятельную помощь детей родителям и прощение всех и, главное, память о часе смертном.

14 октября 1937 года отец Михаил написал жене, детям и внукам: «Милые, незабвенные: мама, детки и внучата! Когда я умру, прошу вас похоронить меня по-христиански, не забывайте меня в своих святых молитвах, – отслужите сорокоуст (40 обеден). Подавайте милостыню за мою душу многогрешную. «Милостыня», как говорит слово Божие, «от смерти избавляет и покрывает множество грехов». Подавайте просфоры за упокой моей души. Превеликая польза душам, когда частица, вынутая из просфоры, погружается во Святую Чашу.

Прошу вас, дорогие детки! Маму не покидайте, цените ее как свою дорогую мать, которая вскормила и воспитала вас. Вы знаете, сколько она перенесла болезней, слез и бессонных ночей, пока вы стали на ноги. За ваше сыновнее усердие и вас Господь не оставит Своею милостью. Не оставайтесь перед нею в долгу.

Прошу у всех прощения, в особенности у тебя – мама, я очень во многом перед тобою виноват. Дорогие детки! И вы простите меня, я к вам иногда был чересчур строг, хотя строгость моя вытекала из любви к вам. И я всем, всем прощаю.

Прошу вас, детки и внучатки! Будьте усердны к молитве, никогда не забывайте Господа Творца нашего. Спасайтесь! Смерть у каждого из нас за плечами стоит.

Затем благословляю вас всех именем Господа нашего Иисуса Христа. Желаю вам от Господа доброй, счастливой жизни, а за гробом – райской небесной жизни. Аминь.

Любящий ваш папа – протоиерей Михаил... Прошу – прочитайте завещание всем детям и внучаткам».

В 1937 году в связи с началом нового этапа гонений на Русскую Православную Церковь сотрудники НКВД допросили о протоиерее Михаиле свидетелей. Один из них показал, что когда отец Михаил узнал, что власти намереваются закрыть храм, то стал служить ежедневно, и однажды, войдя в церковь, свидетель будто бы слышал его проповедь, в которой тот говорил, что коммунисты одновременно пишут в конституции, что можно свободно отправлять религиозные обряды, и после этого закрывают церкви; для того, чтобы не наказал Господь, надо не допустить закрытия храма.

Другая свидетельница показала, что священник, протестуя против закрытия храма, стал служить ежедневно и пригласил ее на службу, сказав, чтобы она приходила вместе с другими верующими колхозниками. В храме во время проповеди отец Михаил призвал верующих не отдавать православную церковь

коммунистам. Верующие стали чаще посещать церковь, исповедоваться и причащаться Святых Христовых Таин. «Но ни в чём контрреволюционном священник не замечен», – завершила свои показания свидетельница.

Не удовлетворившись этими показаниями, следователь привлек к даче показаний «дежурных», или как их еще называли «штатных», свидетелей, которые и подписались под протоколами допросов, сочиненными следователем.

12 ноября 1937 года отец Михаил был арестован. Жил он в то время так бедно, что сапоги у него были единственные, и те за ветхостью находились в починке, и чтобы было во что обуться, пришлось посылать к сапожнику, а сотрудникам НКВД ждать.

Через два дня отца Михаила допросили, но он отказался признать себя в чем-либо виновным. Следователь спросил, знает ли священник таких-то свидетелей, на что отец Михаил ответил, что из всех перечисленных знает только одного, но когда следователь зачитал показания того, священник ответил, что эти показания ложные. 20 ноября тройка НКВД приговорила протоиерея Михаила к расстрелу; он был расстрелян 7 декабря 1937 года и погребен в общей безвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

Журнал «Фома»
№ 12 декабрь 2010 год